

ВИКТОРИЯ УШИНСКАЯ
Вильнюсский университет

История одного эвфемизма

Причиной изменений и инноваций, происходящих в лексической структуре языка, нередко является табуизация, или языковой запрет на употребление ряда слов, порождающий возникновение эвфемизмов [Milewski 1959, 11; Widłak 1964, 93–96; Ларин 1977, 110]. Более или менее систематически явление языкового запрета охватывает лишь некоторые семантические группы словаря: на стадии первобытных верований к таковым относится лексика, связанная с культовыми и магическими представлениями, в новое время — это прежде всего ругательства и наименования физиологических отправлений [Ларин 1977, 101–108; Milewski 1959, 58]. Таким образом, в каждом социуме для выражения определенных понятий могут использоваться слова, допустимые с точки зрения общественной цензуры, тогда как другие языковые формы, соответствующие этому содержанию, оказываются полностью или частично изъятыми из обихода. Нетабуированной, т.е. нейтральной, является, естественно, большая часть лексики любого языка, хотя потенциально нейтральные лексемы также могут оказаться в сфере запрета в отдельных идиолектах, напр., в результате психопатологических особенностей личности говорящего [Freud 1948, 29].

Поскольку языковому запрету подвергается исключительно форма слова, но не его содержание, использование эвфемистических субститутов является отражением своего рода коллективного лицемерия, основанного на религиозных и нравственно-этических представлениях данного социума [Widłak 1964, 96; Ларин 1977, 109]. Иначе говоря, употребление эвфемизма в конкретной речевой ситуации сопряжено с моментом негласного соглашения между говорящими по поводу дозволенности и целесообразности использования той или иной словоформы. При этом функционирование субститутов табуизированных слов опирается на системные (чаще всего синонимические) отношения внутри семантической структуры данного языка, поскольку

взаимозависимость отдельных элементов этой структуры, их взаимопроникновение является основным условием сохранения коммуникативного содержания в случаях замены слова-табу эвфемизмом [Видлак 1967, 277–278].

В процессе эвфемистической субституции обычно используется многозначное слово, у которого лишь один компонент семантической структуры (как правило, не доминантный) пересекается с семантикой табузированной формы, при этом говорящий “как бы отвлекает внимание собеседника от запретного понятия, подразумевая, по крайней мере формально, другие содержания” [там же, 276]. Вследствие того, что остальные значения субститута остаются не втянутыми в семантическое поле слова-табу, он образует своего рода формальный противовес по отношению к табузированной лексеме: ср., напр., *ликвидировать* вм. *убить*, *попросить* вм. *вызвать*, *позаимствовать* вм. *украсть*, *уйти* вм. *умереть* (в последнем значении ср. также англ. *pass away*, франц. *passer*, нем. *dahingehen*, польск. *odejść* и т.п.).

Наши наблюдения позволяют утверждать, что в противном случае, т.е. когда семантический спектр эвфемизма сужается и его употребление в качестве синонима слова-табу становится превалирующим, механизм эвфемистической “защиты” нарушается и бывший субститут сам переходит в разряд нежелательной лексики. Характерным примером подобного развития может послужить незавидная судьба слова *хер* < цр.-слав. *хѣръ* в русском языке. В предлагаемом далее историко-этимологическом очерке предпринята попытка глубже проникнуть в суть семантических и стилистических изменений, произошедших с данным словом.

Унаследованное русским языком из церковнославянского в качестве старого наименования кириллической буквы *х*, данное слово не имеет однозначной этимологической интерпретации. Сохранение начального *х*- перед *-ѣ-*, т.е. отсутствие следов праславянской палатализации, наводит на мысль о заимствовании. Так, Вайан рассматривал ст.-слав. *хѣръ* как сокращение греч. *χερουβίμ* < др.-евр. *kerūbim*, мн. ч. ‘херувимы’, отмечая, что именно этим словом иллюстрировалась буква *х* при обучении славянской азбуке [Vaillant 1955, 29–30; Фасмер 4, 232]. Однако некоторые современные исследователи считают такое объяснение недостаточно аргументированным, предлагая иные этимологические версии [Загребин 2001, 107; Черных 2, 337–338].

Сомнения вызывает, к примеру, следующий момент: в отличие от литтеронима *хѣръ* слово *херувимъ* в древнейших старославянских памятниках обычно пишется через *-ѣ-* (что соответствует орфографии

греческого источника), иногда через -и- (хѣрѣвимъ), но не через -ѣ- [СС 761]. Наличие дублетных форм хѣрѣвимъ/хѣроувимъ в древнерусских памятниках [Срезневский III, 1367] может объясняться смешением *ε* и *ѣ* в безударном слоге (ввиду известной специфики произношения *ѣ* на восточнославянской территории), а также — вторичным сопоставлением с лексемой хѣръ, которую по-прежнему характеризует написание через -ѣ- [Срезневский III, 1432].

Менее оправданным представляется замечание В.М. Загребина, которого смущает тот факт, что “из всего кириллического алфавита сокращен только этот литтероним”, причем сама форма хѣръ “противоречит традиции старославянских сокращений”, в которых, как правило, сохранялись начало и конец сокращаемого слова, опускалась же (или выносилась под титлом) его средняя часть, соответственно, “сокращение от слова хѣрѣвимъ скорее должно было выглядеть как хрѣмъ/хрѣвимъ” [Загребин 2001, 106]. Следует, однако, напомнить, что ряд исследователей предполагают сокращения греческих слов по тому же нетрадиционному принципу в еще трех старославянских литтеронимах: глаголическом *ѣе* из *ѣеона*, *икъ* из *иконѣмъ*, *ѣръ* из *ѣръ* [Vaillant 1955; Иванова 1969, 50–52].

Малоубедительной следует признать и этимологическую версию самого В.М. Загребина, рассматривающего слово хѣръ как архаичную форму краткого прилагательного сѣръ ‘серый’, не подвергнушуюся влиянию второй палатализации. Причину этого явления В.М. Загребин усматривает в ареале происхождения искомой формы, из чего делается совершенно парадоксальный вывод: по мнению автора, старославянский литтероним берет свое начало на севере древней Руси, а именно — в Новгородской земле, поскольку “здесь и нигде больше во всем славянском мире не было процесса второй палатализации” [Загребин 2001, 107] (об отсутствии следов 2-ой палатализации см. [Глускина 1968, 20–43; Зализняк 1988, 164–177; 1995, 37–38]; сомнения по поводу архаичности [к] в слове *кеп* ‘цеп’ в [Чекмонас 1997, 82–96]).

По-видимому, наиболее правдоподобным следует признать этимологическое решение, в свое время предложенное Я. Гротом, рассматривавшим старославянский литтероним как заимствование из греч. *χεῖρ*, мн. *χεῖρες* *хѣрес* ‘рука, руки, в том числе — сложенные крестом на груди’ (допускавшего, однако, также связь с греч. *χαῖρε* ‘радуйся, здравствуй’) [Черных 2, 338]. В этом случае дифтонг греческого первоисточника позволяет объяснить наличие *ѣ*, а не *ε* в славянской лексеме. В качестве косвенного подтверждения этой этимоло-

гии обычно приводится тот факт, что старое название соседней буквы кириллического алфавита *ферт* < ст.-слав. *фрътъ* также считается греческим по происхождению: от ст.-греч. *φύρτης* ‘нарушитель спокойствия, беспокойный’ [там же]. Нельзя, однако, не отметить, что подобное сопоставление требует дополнительной аргументации: вполне логично предположить греческое происхождение наименования по отношению к звуку [ф], который и сам по себе является заимствованием в системе славянского консонантизма, иное дело — название исконно славянского согласного [x].

Думается, данное противоречие можно разрешить, если принять во внимание мнение ряда ученых, предполагавших использование в первоначальном славянском алфавите не одного, а двух обозначений упомянутого звука, сосуществование которых основывалось на том же принципе, что и наличие двух глаголических знаков для звука [з]: первый — буква глаголи — обозначал велярный звук [z], общий славянской и греческой фонетическим системам, а второй — буква ѣ (впоследствии *гервь*) — палатальный [ʃ], выступающий только в заимствованиях. Таким образом, один из знаков для звука [x] также мог передавать велярный вариант, характерный для славянского консонантизма, и должен был, по-видимому, получить, как и в других подобных случаях, славянское название (предположительно — ст.-слав. *хълмъ*). Второй знак служил для передачи мягкого [xʲ], чуждого славянской фонетике, и потому был назван не по-славянски: *хѣръ* [Tkadlčik 1964, 182–193; Иванова 1969, 50–52]. Существование подобной пары обозначений в первоначальном варианте глаголицы предполагается и для третьего велярного согласного [к] [там же]. Впоследствии, при создании кириллицы, для звука [x] был сохранен лишь один знак, а соответственно, и литтероним *хѣръ*, который и был унаследован русским языком вместе с церковнославянской азбукой.

По-видимому, именно заимствованный характер данного слова определил его относительную обособленность в лексико-семантической системе древнерусского языка: в ранних памятниках слово *хѣръ* функционирует исключительно как литтероним [Ягич 1896, 318, 427], в том же значении оно отмечено в *Русской грамматике* Лудольфа в 1696 г. (*cheer*, см. [Черных 2, 338]). Однако, по мнению академика В.В. Виноградова, уже в старорусском языке развивается новое, метафорическое значение ‘косой крест (наподобие буквы х)’, ср. в межевой грамоте начала XVI в.: *а на пеньѣ признака два хѣра на крестѣ* [Виноградов 1994, 526]. Вероятно, в то же время появляется производный глагол *херить* ‘уничтожать или отмечать что-л. изображе-

нием креста или *хера*, перечеркивать, зачеркивать' [там же]. Судя по тому, что форма совершенного вида *похерить* 'перечеркнуть косым крестом' отмечена уже в *Лексиконе* Вейсмана 1737 г. и в *Русском Целлариусе* 1771 г. [БАС 10, 1681], можно полагать, что данные глаголы имели широкое хождение в канцелярском языке XVII–XVIII вв.

В новом значении слово *хер* и производные глаголы широко используется в художественной литературе начала XIX в., в том числе в поэзии, что позволяет предположить отсутствие какой бы то ни было стилистически сниженной окраски слова в этот период, ср., напр., у В. Жуковского: *Потом и критику-богиню пригласили / Их [стихи] с хладнокровием, ей сродным, прочитать. / Мы, слушая ее, / Стихи твои херили. / Тебе же по херам осталось поправлять* (Кн. П.А. Вяземскому, 1814–15 гг.) [БАС 17, 119]. Указание на характерную форму литер *х* и *ф*, которая и явилась причиной переносного употребления соответствующих названий, находим в цитате из А.С. Пушкина: *...растопылив ноги наподобие буквы хера и подбоченясь наподобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь...* (*История села Горюхина*). В середине XIX в. подобное употребление становится повсеместным и закрепляется в фразеологизмах типа *ноги херам* или *стоять фертом*. К этому же времени относятся первые фиксации старого названия игры в *херики* и *оники* (последнее — от кириллического литтеронима *онъ*), т.е. в крестики и нолики [Даль 4, 547; БАС 17, 119]. Глагол *херить* и его многочисленные префиксальные производные *захерить*, *нахерить*, *перехерить* и т.п. широко используются в *Словаре* В.И. Даля для толкования других слов, что, несомненно, указывает на их узуальный характер, ср., напр.: *Крестило* 'вещь, которою метят, отмечают, крестят, херят, чертят взад и вперед, бьют, хлещут и пр.' [Даль 2, 192]. Из значения 'зачеркивать' у глагола (*но*)*херить* развивается новый семантический оттенок 'уничтожать, ликвидировать', представленный как в деловом, так и в художественном языке XIX в., ср. у А. Толстого в *Дон-Жуане* (в речи Сатаны): *Беда все отрицать! В иное надо верить, / Не то пришлось бы, черт возьми, / Мне самого себя похерить!* [Виноградов 1994, 527]. Показательно, что все значения, приобретенные словом *хер* и его производными в этот период, соотносились с представлением о соответствующей букве, что и определяло семантическую доминанту данного слова вплоть до новейшего времени.

Параллельно с функционированием в качестве нейтрального термина, рус. *хер* начинает использоваться как эвфемистический субститут нецензурного ругательства, начинающегося на эту букву. Хронологию начала такого употребления установить трудно: ни один

письменный источник вплоть до начала XX в. его не фиксирует, что, впрочем, совершенно естественно ввиду стилистической и жанровой специфики литературы того времени. Однако, учитывая широкую распространенность в русском языке эвфемизмов, основанных на фонетической схожести со словом-табу (ругательством), в частности — на соответствии исходной буквы (ср. *ё-кэ-лэ-мэ-нэ, ё-моё* и т.п.), можно предполагать, что заместительная функция слова *хер* возникла довольно давно, намного раньше ее первых фиксаций. Эвфемистическая сила данного слова, смягчающая смысл высказывания, заключалась в том, что слово прочно ассоциировалось с названием буквы. Иначе говоря, еще в XIX в. выражение *послать на хер* звучало гораздо мягче, означая дословно *послать на букву х*. Впервые употребление данного слова в качестве синонима нецензурной брани отмечает Бодуэн де Куртенэ в своих дополнениях к 3-ему изданию *Словаря В. Даля* (1903–1908 гг.): *убирайся к херу, ни хера* [Даль³ 3, 1181], однако и здесь подобное употребление приводится как побочное, обусловленное контекстом.

Роковую роль в дальнейшей судьбе слова, как кажется, сыграла орфографическая реформа 1917–1918 гг., упразднившая кириллические литтеронимы, в результате чего буква *хер* была переименована в *ха*, а старое название начало забываться. Отказ от написания *ъ* в конце слова привел к тому, что слово стало ассоциироваться с пресловутой формулировкой *на три буквы*, что, по-видимому, тоже оказалось существенным. Правда, некоторое время еще сохранялось вторичное значение ‘две косые перекрещивающиеся линии’, поддерживаемое существованием производного глагола *(но)херить* ‘перечеркнуть крестом’, однако уже БАС квалифицирует его как устарелое [17, 118–119; 10, 1681]. Более новое значение упомянутого глагола ‘уничтожить, ликвидировать’ также оказалось недолговечным: наше анкетирование показало, что носители русского языка младше сорока лет с ним практически незнакомы и воспринимают приведенные слова исключительно как ненормативные. Так, утрата словом *хер* его доминантного значения привела к переходу данного слова из разряда эвфемистических субститутов в разряд вульгаризмов, что ярко отражено в ныне многочисленных словарях жаргонной и ненормативной лексики, ср. [БСРЖ, 646].

Характерно, что одновременно с процессом снижения стилистической окраски слова *хер* в качестве его эвфемистического синонима начинает использоваться фонетически подобное *хрен*, что проявляется на уровне словообразования и синтагматики, ср.: *херово/хрено-*

во, херовина/хреновина, хер/хрен его знает и т.п. Можно, однако, надеяться, что судьба последнего окажется более счастливой благодаря его прочной соотношенности с конкретным денотатом.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС = *Словарь современного русского языка*, т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- БСРЖ = Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург, 2001.
- Видлак С., 1967: Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля, *Этимология 1965*. Москва, 267–285.
- Виноградов В.В., 1994: *История слов*. Москва.
- Глускина С.М., 1968: О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров), *Псковские говоры*, II. Псков, 20–43.
- Даль В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4. 2-е изд., Санкт-Петербург–Москва, 1880–1882.
- Даль В.И.¹: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1–4. 3-е изд. под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Санкт-Петербург, 1903–1908.
- Загребин В.М., 2001: К семантике наименований некоторых букв древнего славянского алфавита, *II Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова (12–14 сентября 2000 г.)*. Санкт-Петербург, 107–108.
- Зализняк А.А., 1988: Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения праславянского языка, *Славянское языкознание: X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.)*. Москва, 164–177.
- Зализняк А.А., 1995: *Древненовгородский диалект*. Москва.
- Иванова Т.А., 1969: О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите, *Вопросы языкознания*, 6. 48–55.
- Ларин Б.А., 1977: Об эвфемизмах, in Ларин Б.А., *История русского языка и общее языкознание (избранные работы)*, Москва, 101–114.
- Срезневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I–III. Санкт-Петербург, 1893–1912.
- СС = Благова Э., Вечерка Р., Цейтлин Р.М. (ред.), *Старославянский словарь по рукописям X–XI вв.* Москва, 1999.
- Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*, пер. и доп. О.Н. Трубачева, т. 1–4. Москва, 1964–1973.
- Чекмонас В.Н., 1997: О названиях цепы в говорах псковского района (к проблеме кепы), *Slavistica Vilnensis 1995*. Вильнюс, 82–96. (Kalbotyra 45(2).)
- Черных П.Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1–2. Москва, 1999.
- Ягич И.В., 1896: *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*. Санкт-Петербург.

Freud S., 1948: *Totem und Tabu*, London.

Milewski T., 1959: *Wstęp do językoznawstwa*, Łódź–Kraków.

Vaillant A., 1955: L'alphabet vieux-slave, *Revue des Études Slaves*, 32. Paris, 28–31.

Widłak S., 1964: Tabu i eufemizm w językach nowożytnych, *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, XXII. Kraków, 91–100.

Tkadlečik V., 1964: Dvojí *ch* v hlaholici, *Slavia*, XXXIII(2). 1964, 182–193.

E-mail: vik_ush@yahoo.com

Август 2002 г.

VIKTORIJA UŠINSKIENĖ

A history of a euphemism

The article analyses the history and semantic evolution of the Russian word *xep*, a Church Slavonic borrowing meaning the Cyrillic letter *х*. For several centuries, the word was also used in Russian as an euphemism for a phonetically-similar obscene term of abuse. The orthographic reform of 1918 replaced the old name for the letter *х*. For this reason, the word *xep* lost its original meaning in the 20th century, and gradually developed from a euphemism into an obscenity in its own right.